

В.В. Химик

КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫЕ ИДЕАЛЫ СОВРЕМЕННОГО ЧИНОВНИКА

1. Актуальным персонажем современной общественной жизни России все более становится **чиновник**, или *управленец*, – традиционная для отечественной культуры фигура, которая становится ключевой и определяющей во всех сферах нашей жизни, включая и языковую. Номинация *управленец* – относительно новая, ни в БАС, ни в МАС не фиксировалась. И в то же время это универсальная, родовая номинация для коммуникативного, или, иначе, социокультурного, лингвокультурного, типажа, о котором пойдет речь. Замечено, что многие чиновники из сферы управления предпочитают применять по отношению к себе именно это слово, заявляя: *я – управленец*.

Коллоквиальная номинация *управленец* представляет обширное микрополе: *начальник, глава, директор, заведующий, администратор, первое лицо, управляющий, председатель, руководитель,*

секретарь, командир, командующий, шеф, босс, патрон, а также разговорные номинации: *главный, зав, хозяин, сам*. Микрополе носит открытый характер, является неоднородным по семантике, выбор нужного слова из этого ряда обусловлен не только особенностями его значения, но и национально-культурной спецификой. Именно поэтому такие слова оказываются предметом особого внимания на занятиях по русскому языку как иностранному: для иностранца даже денотативное содержание многих таких слов представляется загадочным и даже избыточным. Обычно в практической работе подобные номинации различают по двум главным параметрам: по характеру объекта управления (*директор – завода, но заведующий – столовой; начальник* военного госпиталя, но *заведующий* клиникой, *директор* училища, школы, но *ректор* университета и т.п.), а также по наличию по стилю и прагматической окраске: нейтральные (*начальник, директор, управляющий*), разговорные (*шеф, босс, хозяин*), сниженные (*сам, шишка*).

В последнее время семантическая и культурологическая ситуация в этом микрополе усложни-

Василий Васильевич Химик – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

лась, появилось еще и слово *менеджер* со значением, близким к *управленец*, но имеющим некоторые отличия, новые для микрополя в целом. По семантической структуре *менеджер* – это, (1) «нанимаемый руководитель»; (2) руководитель любого уровня; (3) руководитель с отраслевой спецификацией. Последнее определяет и особенности дистрибуции, предложно-падежного управления, которого у других компонентов микрополя нет: *менеджер по продажам, менеджер по туризму, менеджер по закупкам* и даже *менеджер по клинингу...*

2. «Начальник, руководитель, директор» – фигура в русском языковом сознании неоднозначная. С одной стороны, начальников в России не любят или недолюбливают, иронизируют по их поводу, что нередко и отражается в разговорной речи, как, например, иронический диминутив: *начальничек*.

Состав микрополя «начальник» в периферийной зоне, в сниженной и жаргонизированной речи, имеет экспрессивное продолжение, метафорическое и словообразовательное расширение: *шишка, пузырь, бугор, голова, козырь, туз, важняк, старшой*. В адрес начальства в народной речи используется немало идиом: *ходит козырем, пузырь надутый, шишка на ровном месте, начальников развелось...* Расхожая народная философия и социальные взаимоотношения с начальником представлены в пословице: *Я начальник, ты дурак, ты начальник, я дурак*. Мягкая ирония по поводу статуса начальника проникла даже в детскую литературу, у К. Чуковского есть шуточный образ: *Умывальников начальник и мочалок командир*.

Как выглядит типичный начальник в народном представлении? По данным ассоциативного словаря под ред. Ю.Н. Караулова из 244 разных реакций на стимул *начальник* 62 негативных и только 20 положительных, остальные нейтральные. Челябинские исследователи недавно повторили этот эксперимент, но с установкой на внешний вид «начальника» и получили оценочные реакции: *начальник – крик, очки, галстук, костюм, лысина, толстый, шляпа, голос, грубый голосом, командный голос, костюм-тройка, кулак, палец, полнота, прическа, шар...*

На слово *менеджер* ассоциативные реакции оказались гораздо более резкими: *болтун, дипломат, жулик, манипулятор, пройдоха, пустоплёт, коммуникабельный, хитрый, деликатность, деловитость, имидж, коммуникабельность, любезность, назойливость, напруг, расплывчивость, сервис, суэта, реклама, мобильный телефон...*

Регулярное преобладание негативных оценок связано, очевидно, с комплексом причин: традиционное российское недоверие ко всякому начальнику; негативное восприятие чужого, иностранного понятия «менеджер»; распространение в массовом представлении искаженного понимания статуса менеджера, поскольку именно так предпочитают называть себя агенты розничной продажи.

Значит, двойственность, амбивалентность национального русского представления образа *начальника* заключается в следующем: отторгая ближнего, «маленького» начальника, директора, русский человек не мыслит своей жизни без начальника большо-

го – руководителя, вождя. Крылатая некрасовская фраза: *Вот приедет барин, барин нас рассудит* остается актуальной и в современном массовом сознании. Склонность русского человека к политическим мифам, несокрушимая вера в «добраго царя» или в «отца народов», «в народного заступника», который сам собой появится, придет, разберется и наведет порядок, постоянно отмечается в социологической и культурологической литературе. По любому поводу несправедливости народ предпочитает апеллировать сразу к самым главным начальникам. Появилось даже свежее метафорическое выражение: *устроить кому-л. Пикалёво* – современная интерпретация надежды «вот приедет барин».

Впрочем, в некоторых случаях народная речь не обходит положительными коннотациями и «маленького» начальника: в бытовой среде мужского обиходного общения популярны лстивые фамильярные обращения: *командир, шеф, начальник...* Особенно в сфере обслуживания, где говорящий, предлагая товар или услугу, либо заказывая эту услугу, превентивно, в знак уважения, присваивает адресату-мужчине статус начальника, например: таксист – пассажиру (*Командир, куда поедем?!*) или пассажир таксисту (*Шеф, до вокзала подбросишь?*); продавец на рынке покупателю, грузчик – клиенту, официант – посетителю. Заметим, что всё это мужские апелляции, исходящие от мужчин и адресуемые мужчинам. К женщинам обычно так не обращаются, т.к. женщина в образе шефа, начальника в нашем обществе все еще не популярна. Но и сами женщины такие апелляции обычно не используют.

3. Основная сфера коммуникации, в которой действует *чиновник-начальник* – официально-деловое общение. Именно здесь *чиновник* и *начальник* как вариативные персонажи коррелируют друг с другом и сближаются в единый коммуникативно-речевой типаж, или тип языковой личности. Почему? Объяснение простое: любой чиновник занимает определенное место в административной иерархии и чем-то руководит, что-то возглавляет: министерство, аппарат, партийную ячейку, контору, отдел, в крайнем случае – представляет какую-то функцию или документооборот. Любой чиновник оказывается, как минимум, маленьким начальником («Умывальников начальник и мочалок командир»), начальником для множества посетителей, просителей, клиентов, пациентов, рядовых обывателей. И в этой своей административно-деловой сфере и функции *чиновник*, он же *начальник*, он же *управленец*, – фигура амбивалентная и функционально-стилистическая контрастная. В чем заключается эта контрастность?

Речевое поведение и речевой образа чиновника-управленца формируется двумя принципиальными разными коммуникативно-речевыми *идеалами*, которые представляют две контрастные функционально-стилистические сферы.

Первый речевой идеал – официоз: устная речь чиновника находится под сильным влиянием официально-деловой разновидности книжно-письменной речи, т.е. особой сферы коммуникации – деловой. В русской языковой традиции письменные

формы деловой русской речи влияют на устную речь чиновника, а затем и на речь обывателя. Это старая проблема, на которую обратил внимание еще в советское время К.И. Чуковский, борющийся с канцеляритом в обиходной устно-разговорной речи: типа *хотел бы заострить вопрос насчет отношений, в силу вышесказанного, прогуляемся в зеленый массив, при наличии средств, исходя из положения и т.п.* В.Д. Девкин называет это неоправданным повышением стиля, в отличие от обычного его понижения.

В публичных речах чиновников-управленцев нового времени довольно часто звучат глагольные обороты канцелярского типа: *завязанные на чем-л., подключиться к чему-л., задействовать кого-/что-л., прописать что-л. в чем-л.* В устно-разговорной речи чиновника (и не только) постоянно встречаются клишированные дериваты: *отзвониться, отслеживать, проплатить*. Из уст чиновника любого уровня легко можно услышать такой, например, пассаж: *озвучить проблему, выразив озабоченности по части пробуксовки вопроса с незавершенкой, и одномоментно продовать сосыкловку проекта, а потом прописать его в годовом бюджете...*

Все это довольно неприятные следы проникновения в устно-разговорную речь деловых клише, составляющих один из идеалов говорящего управленца, который традиционно стремится к корпоративной стандартизации своей речи и воспринимает такую клишированность как речевой идеал, как «правильную речь». Это одно из выражений речевой компетенции современного чиновника, как он ее понимает и которую он в соответствии с традициями нашей бюрократии старается демонстрировать как свое *административное соответствие*: не только в служебных действиях, но и в речевом поведении. Итак, первый коммуникативно-речевой идеал чиновника – корпоративная клишированность речи как выражение административного соответствия, близости к начальству.

Второй коммуникативно-речевой идеал чиновника принципиально контрастирует с первым: это последовательное *снижение* коммуникации, корпоративная склонность к *фамильярности* общения, традиционное предпочтение сниженных устно-разговорных, жаргонных и даже вульгарных моделей речевого поведения.

Конкретно это выражается в широко распространенном Ты-общении, адресуемом партнерам по нижним ступеням административной иерархии. В регулярном использовании в устной публичной коммуникации подчеркнута сниженных слов и выражений: *руководить социалкой, посчитать усредненку, финансы на материалку, организовать оперативку, доложиться, порешать, заволокитить, поиметь*. Чиновники разных рангов *проталкивают* законы, *продавливают* финансирование, стремятся *сосыковать* проекты. Чиновник, *отъезжая, оставляет кого-то на хозяйстве*, а возвращаясь, *вызывает кого-то на ковер, делает втык, ставит клизму*.

Средний российский чиновник активно матерится. Публично борется «за чистоту гибнущего русского языка», требует от ученых лингвистов спи-

сок запрещенных слов, но на самом деле охотно использует мат, разумеется, в адрес нижестоящих. Это чрезвычайно распространенное у нас, но обычно закрытое для обсуждения коммуникативно-речевое явление – *номенклатурный мат* – не просто экспрессивное самовыражение, а своеобразный обряд, знак российской внутрикорпоративной инициации и идентификации чиновников-управленцев, опознания своих, тех, с кем можно иметь дело.

Таким образом, речевое поведение типичного российского чиновника-начальника-управленца обнаруживает две контрастирующие интенции, два противодействующих идеала. С одной стороны, стремление к реализации в устной речи стереотипов письменной формы официально-делового языка, посредством которых чиновник демонстрирует свою профессиональную *ангажированность*, административное соответствие, стремление к корпоративному речевому единству, ориентированному на начальника.

Но с другой стороны, чиновник – как правило, носитель особого жаргона, административно-делового, *сниженного* социолекта с нарочитой простотой, грубоватостью, корпоративной *фамильярностью*, направленной на нижестоящего, что, очевидно, предполагает мнимую «близость чиновника к простому народу». В этом и заключается функционально-стилистическая контрастивность речевого поведения чиновника, распространенный коммуникативно-речевой идеал современного российского управленца.

Литература:

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 1998.
- Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Вып. 25. Проблемы культуры речи. – Саратов, 1993.
- Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Паранадига, 2005.
- Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. – М., 2002.
- Милехина Т.А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) / Под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов, 2006.
- Надель-Червинска М. Проблемы обценной лексики в лексикографическом описании // Лексика подстандарта. Вып. 1. Проблемы описания разговорной речи / Ред. А. Зых, М. Надель-Червинска. – Катовице, 2007.
- Основы русской деловой речи: Уч. пособие для студентов нефилол. высш. учеб. заведений / Под ред. В.В. Химика. – М.: Академия, 2010 (в печати).
- Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования: Монография. – М., 2004.
- Русский ассоциативный словарь. Кн. 1 / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М., 1994.
- Словарь русского языка. Т. 1-4 / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М., 1981-1984.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004.

Химик В.В. Коммуникативно-речевые идеалы современного чиновника // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: Сб. науч.

тр. Санкт-Петербургский государственный институт (технический университет). II Всероссийская научно-методическая конференция. Санкт-Петербург, 28-30 октября 2009. г.– СПб, 2010.
